

ХУДОЖНИК, ГРАЖДАНИН, МЫСЛИТЕЛЬ

КТО ИЗ ЛЮБИТЕЛЕЙ музыки не испытал на себе потрясающего воздействия грандиозных кульминаций Д. Шостаковича, когда буквально хочется встать в кресле, чтобы включиться во все растущий и ширящийся поток звуков? Такие переживания, как те, которые охватывают слушателя в эпизоде нашествия в Седьмой или в нарастающей перед пассажами в Восьмой симфониях, никогда не забываются.

А ведь музыку Д. Шостаковича никак не назовешь просто красивой — наоборот, свойственный ему мелодический и гармонический язык далек от сладости — он суров и порой угловат. Но сколько прекрасного подарила нам эта суровость!

Уже давно прошло время, когда имя Шостаковича связывалось с определением «исполнений», «неопытных», не говоря уже о таких печальных памяти определениях, как «борщизация». Вкусы меняются, да и процесс культурного развития народа приводит к тому, что «простое» уже не удовлетворяет, слушатель хочет понимать и «сложное», но такое сложное, которое становится яснее при внимательном слушании. И поэтому музыка Дмитрия Дмитриевича все больше и больше вызывает интерес у публики, все большее и большее число посетителей концертов включается в ряды поклонников его таланта.

В чем же секрет воздействия творчества Шостаковича?

Мне кажется, что внимательный слушатель испытывает глубочайшее эстетическое удовлетворение во время исполнения его музыки потому, что он как бы чувствует себя соучастником творческого процесса. Попробуйте послушать эту музыку. Существует несколько принципов симфонизма. Есть симфонизм программный (Лист, Римский-Корсаков). Здесь фантазия слушателя уже дан толчок сюжетом произведения и его ассоциацией как бы иллюстрирует литературный первоисточник. Есть симфонизм «лирический» или «бесконфликтный» (Мендельсон, А. Рубинштейн), где каждая часть симфонии посвящена единому настроению. Но наивысшим типом симфонического мышления, по-моему, является симфонизм конфликтный, где контрастные мелодии вступают в противоречия и, диалектически развиваясь, трансформируются, раскрывая слушателю множество образов. Это принцип симфонизма Бетховена, Брамса, Чайковского, Малера. И величайшим их продолжателем сегодня является Шостакович.

Ему не нужно программное толчение для полета фантазии, слушающий его произведения, вы как бы следите за движением самой мысли композитора, он как бы рассказывает вам о своих переживаниях. И когда вы чувствуете, что понимаете его язык, погружаетесь в сосредоточенную глубину философских идей автора, вы испытываете ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, потому что активно включились в творческий процесс.

Потому, тем, кто ищет от музыки только приятной игры, сладких гармоний, кто хочет отдохнуть, думая во время исполнения о чем-то своем, Шостакович непонятен.

Среди великих имен, традиции которых продолжает Шостакович, нельзя пропустить имя Мусоргского.

Отар Тактакишвили

Музыка Дмитрия Шостаковича в Грузии — неотъемлемая часть нашей духовной культуры, она часто звучит в наших концертных залах, ее изучают в студенческих аудиториях консерваторий. Для меня лично творчество Дмитрия Дмитриевича — родное с юных лет. Знакомство с каждым новым его сочинением оставляло неизгладимое впечатление. Фортепианное трио, квинтет, Пятая и Седьмая симфонии — мои любимые произведения. И хотя я и не учился в классе Шостаковича, но считаю себя его учеником.

Борис Лятошинский

Одно из самых ярких и незабываемых впечатлений моей музыкальной жизни — встречи с творчеством нашего замечательного композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. В частности, никогда не сгладится в памяти недавно осуществленная киесским театром постановка «Катерины Измайловой», оперы, несомненно на многие годы отстраненной от света рампы.

КИЕВ.

НАШ ВЕЛИКИЙ СОВРЕМЕННИК

рется музыкой. Нельзя такие не оценить грандиозную работу Шостаковича по оркестровке «Бориса и Гованнини». Здесь он продолжил традиции Римского-Корсакова, но продолжил их с позиций сегодняшнего нашего взгляда на новаторские принципы Мусоргского.

Как и все крупные художники, Шостакович прошел сложный и иногда противоречивый путь развития. Сложности (но не асимметричности) его ранних произведений пришла на смену мудрая простота (но не примитив). Мне не кажется, что в юности Шостакович заблуждался; весь путь его становления очень логичен: он искал новые формы для выражения своих мыслей, постепенно отбрасывая найденного наиболее ценное. Но ведь всегда, в любой период его творчества вы, услышав даже незнакомое произведение, могли сказать: это Шостакович!

Шостакович — композитор нашей эпохи. И наиболее ценным в нем, как в современном художнике, мне представляется гражданственность его творчества. Основные этапы жизни нашей Родины нашли отражение в его произведениях: колхозное строительство и индустриализация (Баллада «Светлая и темная», «Белый и черный», «Восмальная симфония»), послевоенное строительство («Песнь о лесе»), история нашей партии (симфонии «Ленина», «1905 г.»). И хотя стремление к поискам новых форм для отражения сегодняшнего дня часто ставило композитора под огонь критики (порой несправедливой), его творческий путь является примером неуклонной принципиальности и подлинно партийного понимания функций художника.

Д. Шостакович — композитор яркого национальный. Русские интонации все чаще и чаще звучат в его произведениях. А о широте его творчества можно судить по разнообразию жанров: массовые песни (кто из нас не знает песни из кинофильма «Встречный»), оперетта, оперы, камерная музыка, симфонии, вокальные произведения, концерты для солирующих инструментов. Это говорит, кстати, и о подлинном демократизме художника, стремившегося создать музыку для самых различных слоев народа.

Значение Шостаковича сегодня трудно переоценить. Даже возмущающие авангардизм западного искусства, доведшие музыку до имитации уличного шума и отрицающие мелодию и гармонию, вынуждены признавать его значение, называя его «великим традиционалистом». А для тех, кто смотрит на музыку, как на язык эмоций и чувств, Шостакович дает пример соединения достижений сегодняшнего музыкального языка с доступностью и ясностью. Поэтому его смело можно назвать маяком ре-

лизма для музыки всего мира.

Заканчивая попытку вкратце нарисовать творческий портрет этого великого музыканта, я не могу не сказать в заключение, что все это удивительно сочетается в его облике с простотой в общении с людьми, неизменной доброжелательностью и деликатностью по отношению к любому человеку. Исключительная добросовестность Дмитрия Дмитриевича приводит к тому, что, стараясь выпол-

нить все свои общественные обязанности (а их у него, как мне кажется, слишком уж много), он не берет свое здоровье, да и для сочинения музыки у него остается мало времени. И хотя, несмотря на это, он одарен как каждый друг нескольких крупных произведений, я хочу закончить эту статью пожеланием создать все условия для того, чтобы новые и новые произведения этого художника, находясь в расцвете творческих сил и мастерства, все чаще радовали нас и остались навсегда великим вкладом в музыку эпохи социализма.

К. КОНДРАШИН.

СЛОВА БЕССИЛЬНЫ

Несколько дней назад, в преддверии наступающего юбилея Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, я собирался сказать своему учителю, нашему великому современнику все самые лучшие слова, какие только существуют на свете.

Но после репетиции с Госоркестром под управлением Е. Светланова его нового произведения — Второго виолончельного концерта я почувствовал бессилие даже самых прекрасных слов. Шостакович настолько потряс меня своими новыми открытиями, что я буквально не в состоянии словесно выразить свое отношение к нему. Могу только думать о нем. О его неисчерпаемом вдохновении. О красоте, которую он несет людям. И хочется долго, долго, долго жить, играя его музыку, написанную и пока еще не написанную, творю добро.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ.

МОСКВА.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович (к 60-летию со дня рождения). Фото А. Устинова.

„Я счастлив, что могу своим искусством, своей общественной деятельностью служить нашему великому народу, нашей любимой Родине.“

участие в этом состязании. Каждый из нас старался написать музыку как можно замысловатее, «глубже», «умнее», не сомневаясь, что Шостакович победит нас и в этой области.

Нужно ли говорить, что первым закончил свое сочинение

МОЙ УЧИТЕЛЬ

своих воспитанников от ложного, вульгарного понимания новаторства. Чувство современного не имеет ничего общего с изощренными нагромождениями, условностью и «оригинальностью» во что бы то ни стало.

Научить современному языку, как мне кажется, нельзя. Не давая никаких рецептов и Дмитрий Дмитриевич, музыка которого современна в самом лучшем смысле этого слова.

И если у некоторых наших композиторов — учеников Шостаковича, — таких, как Г. Свиридов, Кара Караев, Б. Чайковский, заметны в музыке черты подлинно современные, новые, то это результат развития собственной, яркой индивидуальности, в свое время воспитанной и выпущенной на простор чутким педагогом.

ПОМню как-то раз Дмитрий Дмитриевич собрал своих учеников, выбрал стихотворение, кажется, Гейне, и предложил всем, не подходя к роялю, сочинить романс — кто быстрее напишет. Он сам тоже принял

к собственной оркестровой музыке почти всегда были неожиданным удачей.

СЛУШАЯ наши работы, Шостакович почти никогда не делал резких замечаний.

Но мы безошибочно определяли, понравилась ли ему новая вещь или нет. Если понравилась, как сразу менялись его обычно холодно-вежливые глаза, как загорались они тогда на радость счастливому автору. Зато какая беспросветная скука, даже тоска сквозили в его взгляде, когда учителю приходилось слушать явно неудачное творение ученика.

С ТОГО ВРЕМЕНИ, о котором я пишу, прошло без малого тридцать лет. Дмитрий Дмитриевич — шестьдесят, некоторым ученикам его — не намного меньше.

Все эти годы я был счастлив постоянным общением с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем.

И сейчас, работая над каждым новым сочинением, я чувствую себя учеником Шостаковича, с нетерпением и волнением жду возможности показать ему свою работу, услышать его умные, строгие, всегда доброжелательные слова.

Искусство, если и требует жертв, то шедра за них вознаграждает. И если кому-нибудь из нас, учеников Шостаковича, довелось не только принести жертвы, но и испытать великую радость быть вознагражденным, первое слово благодарности — нашему учителю.

Юрий ЛЕВИТИН.

СКРОМНОСТЬ И ДЕЛИКАТНОСТЬ ВО ВСЕМ

Я познакомился с Шостаковичем только в 1964 году. Но желание написать портрет замечательного композитора современности не покидало меня с давних пор. И вот, наконец, встреча с Дмитрием Дмитриевичем состоялась. Первое, что меня поразило, — необычайная скромность всемирно прославленного человека, тончайшая деликатность во всем. И глаза... Глаза, казалось, были источником той огромной энергии, неуемной силы мысли, которой были проникнуты его произведения.

Замысел мой был таков. Портрет должен быть в духе музыки —

С ЕИЧАС, когда в дни шестидесятилетия юбилея замечательного композитора вновь обогатился мысленным взором его сочинения, становится особенно ясным, что во всем искусстве XX века трудно указать художника, чье творчество явилось бы столь же эмоционально-чуткой, столь же впечатляющей по образной силе летопись эпохи. Не случайно (вот уже минимум три десятилетия (а если вспомнить юбилейную Первую симфонию, явившуюся, по моему выражению, одним из критиков, ослепительной яркой кометой на музыкальном небосклоне, то более сорока лет) музыка его неизменно оказывается в центре приложения всех художественно-жизненных интересов людей. Едва ли не каждое сочинение Дмитрия Шостаковича — первостепенное событие в музыкальной жизни. О них подчас в свое время страстно спорили. Но равнодушных по отношению к его музыке не было никогда.

Казаюсь бы, написать юбилейную статью о такого рода крупнейшем мастере сравнительно просто. Достаточно было бы повторить хотя бы в кратчайшем тезисном изложении, теперь уже установленные общепринятые характеристики, четыре-пять десятков его лучших сочинений, и рамки газетной статьи будут насыщены и раздвинуты до предела. Общая оценка творчества композитора как крупнейшего мастера современности тоже ясна и четка.

И, однако, писать о Шостаковиче в дни его юбилея одновременно и легко, и трудно. Легко потому, что колоссальные густоты нервной энергии, вышедшие в его симфониях, квартетах, кантатах, хорах, песнях, вокальных и инструментальных камерных пьесах, не могут не волновать, не вызывать ответной творческой реакции. Трудно, ибо талант Дмитрия Шостаковича до сих пор весьма в развитии, интенсивность которого с годами ничуть не ослабевает. В этом отношении творческий путь крупнейшего советского музыканта становится уже явлением уникальным.

Двадцать лет назад академик Б. В. Асафьев в качестве композитора, в чьем творчестве сплелись в единый узел, два качественно новых скачка интонации эпохи, композитора, музыка которого стала революционно-новым этапом музыкального языка, особо выделил Бетховена. Думаю, что сейчас он поставил бы недалеко от него Шостаковича. И новая человечность интонационного языка, активнейшим образом переосмысленного, развивающего традиции предшественников, и степень воздействия на музыкальное творчество различных национальных школ, и властное, широкоохватное, и вместе глубоко-ночное овладение массовой аудиторией, и взрывчатая эмоциональность образов, внешне парадоксально, но в действительности очень органично сочетающихся с философским интеллектуализмом, — все заставляет вспомнить великого гения рубежа XVIII—XIX столетия.

Но, повторяю, облик Шостаковича — по-прежнему в развитии, в движении. Какова будет его подлинно итоговая, вершинная точка? Не берусь судить. Убежден, что мирожизне неосознанных творческих открытий подарит слушателям Дмитрий Дмитриевич. Однако уже без малого тридцать лет со времен Пятой симфонии и Фортепианного квинтета направленность

процесса развития его творчества неизменно отличает настойчивый поиск максимально простого выражения, смело врезающихся глубинных пластичности жизни. И путь, пройденный им в этом отношении от той же Пятой симфонии до Тринадцатой и «Казни Степана Разина», от Фортепианного трио до последних квартетов или от Фортепианных прелюдий к циклу Фортепианных прелюдий и фуг, наглядно очевиден.

Путь времени бьется во всех его сочинениях ярко и сильно. Вот яркий пример несоответствия полноты приятия всеобщей истинности теории обязательности временной дистанции между произведением и событием, отражаемым в нем! Большинство произведений композитора и злободневны в самом полном и точном смысле слова, и в высокой степени обладают силой типического обобщения действительности. Примеров тому десятки. Напомню один, давно ставший хрестоматийным, — Седьмую симфонию. С годами все яснее высвечивается ее значение не только как злободневного художественного документа грозного и горького, пламенного и несокрушимого сороп первого года, но и как потрясающего по выразительной силе памятника целой эпохи.

ОТ СЛОЖНОГО — к простому в выражении сложных, глубоких, полифонично-многосложных по оттенкам мыслей. Такая направленность творческого развития характерна для ряда крупнейших симфонистов современности. Думаю, что это объективная закономерность. В XX веке, как никогда, и у советских композиторов особенно, гигантски развилась аудитория художника. Среди других требований, обусловивших это, предполагается также отчетливость, кристальная завершенность и ясность мысли. Производная же функция последнего — простота изложения, отрицание всех неоправданных, не являющихся абсолютно необходимыми сложностей языка.

От сложного — к простому. В музыке Шостаковича десятилетия развития процесса привели в последние годы, к любопытнейшему, насыщенному инструментальной техникой, вокальным интонациями. Его музыкальный язык становится все более песенной, напевной. Примечательные явления здесь — симфония и «Казни Степана Разина», а также цикла Прелюдий и фуг для фортепиано — интереснейшей «проекции на современный музыкальный язык» знаменитого двухтомного «Хорошо темперированного клавира» Иоганна Себастьяна Баха.

П ОРАЗИТЕЛЬНАЯ художественная чистота Шостаковича, о которой я пишу, — это не только и не столько самобытный, нервно-соединенный и одновременно обескураживающий и ошеломляющий талант, о чем всегда точно чувствовал, что сказать слушателю, о чем говорить с ним.

В художественном творчестве, пожалуй, более, чем где-либо, что неразрывно связано с тем. В любом роде искусства тема, содержание, мысль получают реальную жизнь, не только обретая воплощение в конкретных художественных обра-

зах, но и лишь тогда, когда образы эти нашли путь к аудитории, когда композитор говорит со слушателем о том, что волнует его, и говорит ясно, просто, убедительно.

Поискам этого «ясно, просто, убедительно» замечательный мастер посвятил множество времени. Владение технологией сочинения музыки у Шостаковича виртуозно. Его композиторская техника поистине блистательна. Ей не много равных в мировой истории музыки. Он пишет почти с автоматической внешней легкостью и с молниеносной же технологической виртуозностью. Полифония, гармония, инструменталка, мелодика, ритм — во всех этих областях сочинения Шостаковича дала богатейший новый материал. И, несмотря на то, что у музыки Шостаковича написано специальных теоретических исследований едва ли не больше, чем существует его произведений, много еще, очень много, найденное в них автором как в области выразительных приемов, так и в сфере образной драматургии, жжет музыкаловедческое исследование и осмысления.

Воплощать ясно, просто, с большой выразительной силой глубокое образное содержание, волнующее массы людей. Держать руку на пульсе жизни народа. В сущности, это — легкая перифразированные основные эстетические положения искусства, социалистического реализма. И подобное совпадение гениальному закономерно. Музыка Шостаковича — яркий пример творчества художника, идущего по пути партийности и народности, вдумчиво, всем сердцем воспринимающего указания партии.

СОБАЯ, чрезвычайно интересная тема — место творчества Шостаковича в мировой истории музыки. Оно — и итог целой эпохи, и начало нового. Прочнейшими узлами связанным со своим великими предшественниками (среди них Бах и Моцарт, и Гайдн, и Бетховен, Шуберт, и Брамс, и Малер, и Римский-Корсаков, и Глинка, особенно Мусоргский), Шостакович в то же время активнейший новатор, весьма интенсивно развивающий перекосившийся классический традицией. Но не отрицая основной продолжения их! Еще раз повторю о направленности развития его музыкального языка от сложного — к простому, о все более полном просторании в музыкальной ткани его последних сочинений вокальных, напевных песенных интонаций.

Художественная масштабность, жизненная актуальность, гениальность такая выразительная, сила музыки Шостаковича уже со времен Первой симфонии обрели для огромного количества слушателей. Не много найдется композиторов, чей творческий труд удостоивался бы такого большого количества разнообразных высших наград. Шостакович — народный артист СССР, лауреат Ленинской и многих Государственных премий, почетный член крупнейших зарубежных музыкальных обществ и академий. Это, так сказать, фактологическая сторона общественной оценки творческих заслуг композитора. Но как измерить после исполнения его сочинений? Каким эстетическим инструментом уточнить, что входит его музыка в сердца людей?

На шестидесятилетнем рубеже Дмитрий Шостакович особенно ясно выдвигает фигура масштабов колоссальных. Распределить порядковые номера в таком индивидуально неповторимом виде человеческой деятельности, как художественное творчество, — дело и трудное, и бесполезное. Но так или иначе Шостакович, конечно же, давно вошел в первую десятку мастеров искусства двадцатого столетия. А дальнейшие перспективы творческого пути находящегося в расцвете сил композитора поистине безграничны.

И. И. ПОПОВ.

П ОРАЗИТЕЛЬНАЯ художественная чистота Шостаковича, о которой я пишу, — это не только и не столько самобытный, нервно-соединенный и одновременно обескураживающий и ошеломляющий талант, о чем всегда точно чувствовал, что сказать слушателю, о чем говорить с ним.

В художественном творчестве, пожалуй, более, чем где-либо, что неразрывно связано с тем. В любом роде искусства тема, содержание, мысль получают реальную жизнь, не только обретая воплощение в конкретных художественных обра-

зации к собственной оркестровой музыке почти всегда были неожиданным удачей.

СЛУШАЯ наши работы, Шостакович почти никогда не делал резких замечаний.

Но мы безошибочно определяли, понравилась ли ему новая вещь или нет. Если понравилась, как сразу менялись его обычно холодно-вежливые глаза, как загорались они тогда на радость счастливому автору. Зато какая беспросветная скука, даже тоска сквозили в его взгляде, когда учителю приходилось слушать явно неудачное творение ученика.

С ТОГО ВРЕМЕНИ, о котором я пишу, прошло без малого тридцать лет. Дмитрий Дмитриевич — шестьдесят, некоторым ученикам его — не намного меньше.

Все эти годы я был счастлив постоянным общением с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем.

И сейчас, работая над каждым новым сочинением, я чувствую себя учеником Шостаковича, с нетерпением и волнением жду возможности показать ему свою работу, услышать его умные, строгие, всегда доброжелательные слова.

Искусство, если и требует жертв, то шедра за них вознаграждает. И если кому-нибудь из нас, учеников Шостаковича, довелось не только принести жертвы, но и испытать великую радость быть вознагражденным, первое слово благодарности — нашему учителю.

Юрий ЛЕВИТИН.

Инсоф СЕРЕБРЯНЫЙ.

ЛЕНИНГРАД.

ЗВУЧАЩИЙ ПУЛЬС ЭПОХИ

Путь времени бьется во всех его сочинениях ярко и сильно. Вот яркий пример несоответствия полноты приятия всеобщей истинности теории обязательности временной дистанции между произведением и событием, отражаемым в нем! Большинство произведений композитора и злободневны в самом полном и точном смысле слова, и в высокой степени обладают силой типического обобщения действительности. Примеров тому десятки. Напомню один, давно ставший хрестоматийным, — Седьмую симфонию. С годами все яснее высвечивается ее значение не только как злободневного художественного документа грозного и горького, пламенного и несокрушимого сороп первого года, но и как потрясающего по выразительной силе памятника целой эпохи.

ОТ СЛОЖНОГО — к простому в выражении сложных, глубоких, полифонично-многосложных по оттенкам мыслей. Такая направленность творческого развития характерна для ряда крупнейших симфонистов современности. Думаю, что это объективная закономерность. В XX веке, как никогда, и у советских композиторов особенно, гигантски развилась аудитория художника. Среди других требований, обусловивших это, предполагается также отчетливость, кристальная завершенность и ясность мысли. Производная же функция последнего — простота изложения, отрицание всех неоправданных, не являющихся абсолютно необходимыми сложностей языка.

От сложного — к простому. В музыке Шостаковича десятилетия развития процесса привели в последние годы, к любопытнейшему, насыщенному инструментальной техникой, вокальным интонациями. Его музыкальный язык становится все более песенной, напевной. Примечательные явления здесь — симфония и «Казни Степана Разина», а также цикла Прелюдий и фуг для фортепиано — интереснейшей «проекции на современный музыкальный язык» знаменитого двухтомного «Хорошо темперированного клавира» Иоганна Себастьяна Баха.

П ОРАЗИТЕЛЬНАЯ художественная чистота Шостаковича, о которой я пишу, — это не только и не столько самобытный, нервно-соединенный и одновременно обескураживающий и ошеломляющий талант, о чем всегда точно чувствовал, что сказать слушателю, о чем говорить с ним.

В художественном творчестве, пожалуй, более, чем где-либо, что неразрывно связано с тем. В любом роде искусства тема, содержание, мысль получают реальную жизнь, не только обретая воплощение в конкретных художественных обра-

зации к собственной оркестровой музыке почти всегда были неожиданным удачей.

СЛУШАЯ наши работы, Шостакович почти никогда не делал резких замечаний.

Но мы безошибочно определяли, понравилась ли ему новая вещь или нет. Если понравилась, как сразу менялись его обычно холодно-вежливые глаза, как загорались они тогда на радость счастливому автору. Зато какая беспросветная скука, даже тоска сквозили в его взгляде, когда учителю приходилось слушать явно неудачное творение ученика.

С ТОГО ВРЕМЕНИ, о котором я пишу, прошло без малого тридцать лет. Дмитрий Дмитриевич — шестьдесят, некоторым ученикам его — не намного меньше.

Все эти годы я был счастлив постоянным общением с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем.

И сейчас, работая над каждым новым сочинением, я чувствую себя учеником Шостаковича, с нетерпением и волнением жду возможности показать ему свою работу, услышать его умные, строгие, всегда доброжелательные слова.

Искусство, если и требует жертв, то шедра за них вознаграждает. И если кому-нибудь из нас, учеников Шостаковича, довелось не только принести жертвы, но и испытать великую радость быть вознагражденным, первое слово благодарности — нашему учителю.

Юрий ЛЕВИТИН.

Инсоф СЕРЕБРЯНЫЙ.

ЛЕНИНГРАД.

СКОМНОСТЬ И ДЕЛИКАТНОСТЬ ВО ВСЕМ

Я познакомился с Шостаковичем только в 1964 году. Но желание написать портрет замечательного композитора современности не покидало меня с давних пор. И вот, наконец, встреча с Дмитрием Дмитриевичем состоялась. Первое, что меня поразило, — необычайная скромность всемирно прославленного человека, тончайшая деликатность во всем. И глаза... Глаза, казалось, были источником той огромной энергии, неуемной силы мысли, которой были проникнуты его произведения.

Замысел мой был таков. Портрет должен быть в духе музыки —

Юрий ЛЕВИТИН.

Инсоф СЕРЕБРЯНЫЙ.

ЛЕНИНГРАД.

СКОМНОСТЬ И ДЕЛИКАТНОСТЬ ВО ВСЕМ

Я познакомился с Шостаковичем только в 1964 году. Но желание написать портрет замечательного композитора современности не покидало меня с давних пор. И вот, наконец, встреча с Дмитрием Дмитриевичем состоялась. Первое, что меня поразило, — необычайная скромность всемирно прославленного человека, тончайшая деликатность во всем. И глаза... Глаза, казалось, были источником той огромной энергии, неуемной силы мысли, которой были проникнуты его произведения.

Замысел мой был таков. Портрет должен быть в духе музыки —

Юрий ЛЕВИТИН.

Инсоф СЕРЕБРЯНЫЙ.

ЛЕНИНГРАД.

СКОМНОСТЬ И ДЕЛИКАТНОСТЬ ВО ВСЕМ

Я познакомился с Шостаковичем только в 1964 году. Но желание написать портрет замечательного композитора современности не покидало меня с давних пор. И вот, наконец, встреча с Дмитрием Дмитриевичем состоялась. Первое, что меня поразило, — необычайная скромность всемирно прославленного человека, тончайшая деликатность во всем. И глаза... Глаза, казалось, были источником той огромной энергии, неуемной силы мысли, которой были проникнуты его произведения.

Замысел мой был таков. Портрет должен быть в духе музыки —

Юрий ЛЕВИТИН.

Инсоф СЕРЕБРЯНЫЙ.

ЛЕНИНГРАД.

СКОМНОСТЬ И ДЕЛИКАТНОСТЬ ВО ВСЕМ

Я познакомился с Шостаковичем только в 1964 году. Но желание написать портрет замечательного композитора современности не покидало меня с давних пор. И вот, наконец, встреча с Дмитрием Дмитриевичем состоялась. Первое, что меня поразило, — необычайная скромность всемирно прославленного человека, тончайшая деликатность во всем. И глаза... Глаза, казалось, были источником той огромной энергии, неуемной силы мысли, которой были проникнуты его произведения.

Замысел мой был таков. Портрет должен быть в духе музыки —

Юрий ЛЕВИТИН.

Инсоф СЕРЕБРЯНЫЙ.

ЛЕНИНГРАД.

СКОМНОСТЬ И ДЕЛИКАТНОСТЬ ВО ВСЕМ

Я познакомился с Шостаковичем только в 1964 году. Но желание написать портрет замечательного композитора современности не покидало меня с давних пор. И вот, наконец, встреча с Дмитрием Дмитриевичем состоялась. Первое, что меня поразило, — необычайная скромность всемирно прославленного человека, тончайшая деликатность во всем. И глаза... Глаза, казалось, были источником той огромной энергии, неуемной силы мысли, которой были проникнуты его произведения.

Замысел мой был таков. Портрет должен быть в духе музыки —